

Айн Рэнд

Капитализм

Незнакомый идеал

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Ayn Rand

Capitalism

The Unknown Ideal

With Additional Articles by
Nathaniel Branden,
Alan Greenspan,
and Robert Hessen

A Signet Book

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Айн Рэнд

Капитализм

Незнакомый идеал

С добавлением статей
Натаниэля Брандена,
Алана Гринспена
и Роберта Хессена

Перевод с английского

Москва
2011

[>>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 17.022+82-43
ББК 87.7+84.4
Р96

Переводчики: Г. Зеленина, М. Кульнева,
Е. Милицкая, С. Силакова, К. Щербино

Редактор Ю. Быстрова

Рэнд А.

Р96 Капитализм: Незнакомый идеал / Айн Рэнд ; С добавлением статей Натаниэля Брандена, Алана Гринспена и Роберта Хессена ; Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишерз, 2011. — 422 с.

ISBN 978-5-9614-1471-4

Айн Рэнд (1905–1982) — наша бывшая соотечественница, крупнейшая американская писательница, чьи книги оказали мощнейшее влияние на мировоззрение миллионов людей во всем мире, автор признанных бестселлеров «Атлант расправил плечи», «Источник», «Гимн» и др.

Книга «Капитализм: Незнакомый идеал» представляет собой сборник статей, написанных Айн Рэнд в разные годы, которые и сегодня поражают своей злободневностью, остротой и убедительностью. В них автор на реальных примерах из общественной, политической и экономической жизни блестяще доказывает основной посыл своей философии: человека может сделать свободным и счастливым только система, ставящая во главу угла личность, система, основанная на рациональности, свободном обмене идеями и товарами, а именно — капитализм. А значит — только такую систему можно считать нравственной, и любые идеологические компромиссы способны нанести человечеству лишь вред.

УДК 17.022+82-43
ББК 87.7+84.4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© Ayn Rand, 1946, 1962, 1964, 1966
© The Objectivist Newsletter, Inc., 1962, 1963, 1964, 1965
© Alan Greenspan, 1962
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина», 2011
Издано при содействии Curtis Brown и литературного агентства «Синописис»

ISBN 978-5-9614-1471-4 (рус.)
ISBN 0-451-14795-2 (англ.)

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

Введение	7
1. Что такое капитализм?	11
<i>Айн Рэнд</i>	
2. Семена войны	41
<i>Айн Рэнд</i>	
3. Большой бизнес — преследуемое меньшинство американского общества	53
<i>Айн Рэнд</i>	
4. Антимонополия	76
<i>Алан Гринспен</i>	
5. Всеобщие заблуждения относительно капитализма	87
<i>Натаниэль Бранден</i>	
6. Золото и экономическая свобода	116
<i>Алан Гринспен</i>	
7. Заметки об истории американского свободного предпринимательства	124
<i>Айн Рэнд</i>	
8. Влияние промышленной революции на женщин и детей	134
<i>Роберт Хессен</i>	
9. Битва против честности	143
<i>Алан Гринспен</i>	
10. Кому принадлежат радиоволны?	149
<i>Айн Рэнд</i>	
11. Патенты и копирайты	159
<i>Айн Рэнд</i>	

12. Теория и практика	165
<i>Айн Рэнд</i>	
13. Не мешайте!	172
<i>Айн Рэнд</i>	
14. Анатомия компромисса	178
<i>Айн Рэнд</i>	
15. Расправляет ли Атлант плечи?	185
<i>Айн Рэнд</i>	
16. Лоббисты	205
<i>Айн Рэнд</i>	
17. «Экстремизм», или Искусство подмены понятий	213
<i>Айн Рэнд</i>	
18. Уничтожение капитализма	227
<i>Айн Рэнд</i>	
19. Консерватизм: некролог	238
<i>Айн Рэнд</i>	
20. Новый фашизм: господство консенсуса	251
<i>Айн Рэнд</i>	
21. Крах консенсуса.	273
<i>Айн Рэнд</i>	
22. Выгодное дело: студенческие волнения.	294
<i>Айн Рэнд</i>	
23. Отчуждение	337
<i>Натаниэль Бранден</i>	
24. Реквием по человеку	369
<i>Айн Рэнд</i>	
25. Права человека	398
<i>Айн Рэнд</i>	
26. Природа государства	409
<i>Айн Рэнд</i>	
Библиография	419

Введение

Эта книга — не трактат по экономике. Это сборник статей об этических аспектах капитализма.

Наша позиция была суммирована в моем утверждении, опубликованном в первом выпуске *The Objectivist Newsletter* (январь 1962):

«Объективизм — это философское течение, а так как политика есть раздел философии, объективизм защищает ряд политических принципов, в особенности принцип невмешательства государства в экономическую деятельность частного сектора, поскольку они следуют из наших фундаментальных философских принципов и являются их главным практическим воплощением. Для объективизма политика не является отдельной или главной целью и рассматривается в широком идеологическом контексте.

В основании политики лежат три философские дисциплины — метафизика, эпистемология и этика — теория о человеческой природе и взаимоотношении человека с реальностью. Лишь на подобном базисе можно сформулировать цельную политическую теорию и претворять ее в практику... Объективисты — не «консерваторы». Мы — радикальные сторонники капитализма. Мы пытаемся сформулировать философскую первооснову, которой капитализм до сих пор не имеет, и без которой он обречен на гибель».

Я хочу подчеркнуть: сфера наших интересов — не политика или экономика как таковые, но *«человеческая природа и взаимоотношения человека с реальностью»*. Мы защищаем капитализм, поскольку это единственная система, в рамках которой может быть организована жизнь разумного человеческого существа.

В связи с этим существует фундаментальное различие между нашим подходом и тем, который демонстрируют как традиционные защитники капитализма, так и его современные апологеты. За малым исключением, именно они, по определению, несут от-

ветственность за крах капиталистической системы. И вина их заключается в том, что они не могут либо не желают защищать морально-философские установки капитализма как системы.

Ни одна политико-экономическая система в человеческой истории не продемонстрировала свои достоинства так красноречиво, не принесла человечеству столь неоспоримой выгоды, как капитализм, — и ни на одну не нападали столь злобно, яростно и бездумно. Поток дезинформации, неадекватных представлений, искажений и откровенных фальсификаций столь мощен, что молодое поколение не имеет представления о сути капитализма — и, в сущности, не имеет возможности подобными представлениями обогатиться. В то время как археологи тщательно исследуют руины ушедших тысячелетий, разыскивая обломки керамики и осколки костей, чтобы с их помощью восстановить информацию о доисторической эпохе, события менее чем вековой давности погребены отнюдь не под наслоениями, образовавшимися в результате многовековой работы ветров, наводнений и землетрясений, но под наслоениями, проникнуть сквозь которые человеческому взору куда труднее, — под курганами молчания.

Никакому злодею, никакому заговорщику не под силу стереть из памяти человечества истину столь масштабную, скрыть секрет, давно ставший достоянием гласности, без применения власти или использования цензуры, без единого слова протеста удалить из человеческой памяти тот факт, что идеальное общественное устройство было почти что нами достигнуто.

Именно признанные защитники капитализма своим молчанием, своим нежеланием говорить о соотношении капитализма и альтруизма довели дело до того, что капитализм разрушается на наших глазах — без публичных слушаний, без суда, без объяснения публике его принципов, его сути, его моральных ценностей. Его убивают, как на судилище, где слепая, отчаянно беснующаяся толпа, сжигая соломенное чучело, и не подозревает, что внутри бесформенной кучи соломы спрятан живой, истинный идеал.

Демонстрируемый нам метод убийства капитализма не дает миру узнать, что же именно уничтожается; и самое печальное, что эта информация не доходит до людей молодых.

Цель данной книги — предоставить эту информацию.

Вина за нынешнее состояние нашего мира лежит, за редкими исключениями, на тех, кому сегодня за 40, — на тех, кто в своих речах говорил меньше, нежели знал, и менее определенно, нежели того заслуживал предмет их выступлений.

Эта книга адресована тем, кто молод годами или душой, тем, кто не боится знаний, кто не желает сдаваться.

Им непременно следует знать о том, что попытки врагов капитализма направлены на сокрытие единственного факта: капитализм — не просто «практически ориентированная» система, но и единственная система в человеческой истории, обладающая моральными ценностями. (См. «Атлант расправил плечи»¹.)

Политические вопросы — отнюдь не главные в книге «Атлант расправил плечи». Главное в ней — этические и эпистемологические аспекты: роль разума в жизни человека — и, разумеется, политика, как неизбежное следствие данной темы. Однако столь силен в наше время возвращенный современной философией гносеологический хаос, что многие молодые читатели затрудняются не только претворить абстрактные построения в политические принципы, но и применить их к оценке сегодняшних событий. Эта книга должна им помочь. Ее можно назвать документальным приложением к «Атланту».

Поскольку любая политическая система базируется на той или иной этической теории, я предлагаю читателям, искренне желающим постигнуть сущность капитализма, сначала прочесть «Добродетель эгоизма»² — сборник эссе, посвященных этике объективизма, который можно назвать необходимой основой для данной книги. Ни одна политическая дискуссия не будет сколь угодно осмысленной и вразумительной без четкого понимания двух основополагающих терминов — «права» и «правительство» — хотя в практикуемой нынче технике умышленного запутывания подобных вопросов обсуждения именно этих определений принято всеми силами избегать. Поэтому я предлагаю вам начать знакомство с этой книгой с прочтения (первого или очередного)

¹ Рэнд А. Атлант расправил плечи. В 3 ч. — 6-е изд. — М.: Альпина Пабlishерз, 2011.

² Рэнд А. Добродетель эгоизма. — М.: Альпина Пабlishерз, 2011.

двух более ранних статей «Права человека» и «Природа государства» (главы 25 и 26 настоящего издания).

Большинство собранных в этой книге эссе первоначально были опубликованы в *The Objectivist Newsletter*. Другие были созданы по материалам лекций или исследований, о чем указано в соответствующих текстах. Некоторые из статей содержат краткие возражения на наиболее распространенные заблуждения, касающиеся капиталистической экономики. Эти статьи, написанные в ответ на вопросы, задаваемые нашими читателями, были опубликованы в разделе «Интеллектуальное оружие» *The Objectivist Newsletter*. Интересующиеся политэкономией найдут в конце книги список литературы по данному вопросу.

Теперь — пара слов о тех, кто внес свой вклад в создание этой книги. Это Роберт Хессен, который в настоящее время заканчивает работу над диссертацией по истории в Колумбийском университете и преподает в бизнес-школе Колумбийского университета. Также упомяну Алана Гринспена — президента компании Townsend-Greenspan, и ряд экономических консультантов.

Айн Рэнд

Нью-Йорк, июль 1966 г.

P.S. Натаниэль Бранден больше не имеет ничего общего со мной, моей философией или журналом *The Objectivist Newsletter*.

А.Р.

Нью-Йорк, ноябрь 1970 г.

Что такое капитализм?

Айн Рэнд

Распад философии в XIX столетии и ее полный крах в XX веке повлекли за собой сходные, хотя гораздо более замедленные и не столь заметные со стороны, процессы в современной науке. Безумные темпы сегодняшнего технического прогресса чем-то неуловимо схожи с ситуацией накануне экономического кризиса 1929 года — собственной движущей силы эта безудержная горячая экспансия не имеет. Паразитируя на прошлом, на остатках бесстыдно присвоенной аристотелевской эпистемологии, она не желает осознать, что ее теоретический кредит давно превышен; что ученые больше не могут ни обобщать, ни интерпретировать на теоретическом уровне данные собственных исследований, а потому потворствуют возрождению дикарского мистицизма. В области гуманитарных наук, однако, кризис уже наступил, «Великая депрессия» началась, окончательный крах вот-вот наступит.

Особенно явственно это видно на примере таких относительно молодых наук, как психология и политическая экономия. Некоторые психологи пытаются изучать поведение человека, ни словом не упоминая о том, что человек обладает самосознанием, а некоторые политические экономисты — изучать и разрабатывать модели общественного устройства, ни словом не упоминая о человеке вообще.

Именно философия формулирует и диктует эпистемологические критерии и познания в целом и конкретных наук в частности. Политическая экономия выступила на первый план в XIX веке,

в эпоху посткантианского распада философии, и никто не вызвался проверить ее предпосылки или оспорить ее основы. Негласно, по умолчанию политическая экономия приняла за аксиому догматы коллективизма.

По словам самих политических экономистов, включая приверженцев капитализма, их наука исследует, каким образом нация, или «сообщество», распоряжается или манипулирует своими «ресурсами», как эти ресурсы используются или упорядочиваются. Характер «ресурсов» не уточнялся; то, что они — в общественной собственности, считалось само собой разумеющимся, а задачу политической экономии видели в том, чтобы изучать способы их использования ради «общего блага».

В лучшем случае главному «ресурсу» — человеку, с его особой природой, специфическими потребностями и способностями уделялось минимум внимания. Его рассматривали в общем ряду с землей, лесами или шахтами, как один из факторов производства, причем один из самых маловажных. Роли и свойствам человека посвящалось куда меньше исследований, чем значимости и свойствам вышеупомянутых элементов.

Политическая экономия как наука, по сути, поставила телегу впереди лошади; заметив, что люди занимаются производством и торговлей, она сочла — точнее, бездумно приняла на веру, — что люди занимались этим всегда и будут заниматься всегда. Исходя из этого, она задумалась, каким образом «сообщество» может лучше всего распорядиться человеческим фактором.

Такое первобытно-племенное отношение к человеку было вызвано к жизни рядом предпосылок — например, этикой альтруизма и растущим влиянием политического этатизма среди интеллектуалов XIX века. В психологическом плане его главной основой стала пронизывающая европейскую культуру дихотомия «дух/тело»: производство материальных благ считалось унижительным, несостоящим занятием, не дающим пищи для человеческого интеллекта, ведь оно с доисторических времен было уделом рабов или крепостных. Институт рабства в той или иной форме сохранялся вплоть до середины XIX века. Он был ликвидирован (но, заметьте, не как ментальная категория) лишь благодаря приходу капитализма.

Европейской культуре было глубоко чуждо представление о человеке как о свободной, независимой личности. То была племенная культура; в европейском понимании существо, единица — именно племя, а человек — лишь расходный материал, одна-единственная клетка большого организма. Это относилось и к крепостным, и к правителям; считалось, что правители обладают своими привилегиями лишь в силу того, что оказывают племени определенные услуги. Эти услуги — а конкретнее, забота об армии и вооруженной защите населения — считались «благородным делом», но дворянин был таким же движимым имуществом племени, как крепостной, ибо его жизнь и собственность принадлежали королю. Не будем забывать, что институт частной собственности в полном юридическом смысле этого термина возник лишь при капитализме. В докапиталистические времена частная собственность существовала де-факто, но не де-юре, то есть по обычаю и с молчаливого согласия, а не по праву или по закону. Юриспруденция и общие принципы устройства общества гласили: вся собственность принадлежит главе племени, королю, который дает разрешение ею владеть, но в любой момент, по своему усмотрению, может передумать. (Как известно из истории Европы, короли имели право конфисковывать поместья непокорных дворян и многократно им пользовались.)

Европейские интеллектуалы так и не уяснили, что такое американская философия Прав Человека. В Европе возобладало свое понимание свободы: представление о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в короле, сменилось представлением о человеке как о рабе абсолютистского государства, воплощенного в «народе», то есть иго вождя племени сменилось игом самого племени. Принять иное, далекое от племенного мировоззрение оказалось не под силу людям, для которых признак благородства — это привилегия командовать производителями материальных благ при помощи кнута.

Европейские мыслители не заметили, что в XIX веке на смену рабам-галерникам пришли изобретатели паровозов, а на смену деревенским кузнецам — владельцы доменных печей; они продолжали мыслить в таких терминах (точнее, оксюморонах), как «рабство наемного труда» или «антиобщественный эгоизм фабри-

кантов, которые так много берут у общества, ничего не отдавая взамен», исходя из принятой на веру аксиомы, что богатство — это анонимный, общественный, племенной продукт.

Эту концепцию никто не оспорил по сей день; она являет собой негласную предпосылку и основополагающий тезис современной политической экономии.

Как образец этой концепции и ее последствий я процитирую статью «Капитализм» из энциклопедии Britannica. Термина в статье не определяют; она начинается следующим образом:

«Капитализм — термин, используемый для обозначения экономического уклада, который стал господствующим в странах Запада после распада феодализма. Основой любого уклада, называемого капиталистическим, являются отношения между частными владельцами объективно существующих средств производства (земли, шахт, промышленных предприятий и т. п., обобщенно именуемых “капиталом”) и свободными, но не имеющими капитала работниками, которые продают свою трудовую деятельность нанимателям... В результате заключается соглашение о заработной плате, определяющее, в какой пропорции валовой общественный продукт будет поделен между классом трудящихся и классом капиталистических предпринимателей»¹.

(Прочитирую слова Голта, персонажа моего романа «Атлант расправил плечи». Вот как он пересказывал догматы коллективизма: «Промышленник... — пробел — такого человека не существует. Завод — это “естественный ресурс”, как дерево, камень или грязевая лужа»².)

Успех капитализма Britannica объясняет следующим образом:

«Вложение “излишков общественного богатства” в производство оказалось тем особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады. Вместо того чтобы возводить пирамиды и соборы, лица, распоряжавшиеся общественными излишками, предпочитали вкладывать их в корабли, склады, сырье, промышленные товары и другие материальные разновидности богатства. Таким образом общественные излишки конвертировались в расширенные производственные возможности».

¹ Encyclopaedia Britannica. 1964. Vol. IV. P. 839–845.

² Рэнд А. Атлант расправил плечи: В 3 ч. — 6-е изд. — М.: Альпина Паблишерз, 2011. — Ч. III. — С. 393.

Это сказано о времени, когда население Европы прозябало в такой нищете, что детская смертность достигала чуть ли не 50%, а периодические неурожай истребляли *«излишки людского богатства»*, то есть тех, кого не могли прокормить докапиталистические общества. Однако, не проводя различий между двумя разновидностями богатства — произведенным и экспроприированным в качестве налога, — энциклопедия утверждает, что первые капиталисты того времени *«распоряжались»* не чем иным, как *излишками богатства*, и что на их вложения стоит последующая эпоха фантастического процветания.

Что же такое *«излишки общественного богатства»*? В данной статье этот термин никак не определяется и не поясняется. *«Излишек»* предполагает существование нормы; если хроническое недоедание приравнивается даже не к нормальному уровню жизни, а к благополучию, то какова же в таком случае норма? Автор статьи не дает ответа.

Разумеется, на самом деле никаких *«общественных излишков»* не бывает. Все богатство кем-то производится и кому-то принадлежит. *«Особым преимуществом, которое позволило капитализму превзойти все существовавшие ранее экономические уклады»*, была *свобода* (отсутствие этого понятия в статье весьма симптоматично), повлекшая за собой не экспроприацию, а *создание* нового богатства.

Позднее я еще вернусь к этой статье, постыдной во многих отношениях, и не в последнюю очередь — с научной точки зрения. Пока же я процитировала ее как самый лаконичный и наглядный пример первобытно-племенной аксиомы, на которой зиждется современная политическая экономия. В эту аксиому равно веруют враги и поборники капитализма; первым она дарует что-то вроде внутренней цельности, вторых обезоруживает изысканно-интеллектуальным, но пагубным ореолом ханжества — возьмем, к примеру, попытки оправдать капитализм на основании таких понятий, как *«общее благо»*, или *«служение потребителю»*, или *«наилучшее распределение ресурсов»* (*чьих*, собственно, ресурсов?).

Чтобы все-таки понять, что такое капитализм, надо проверить и оспорить аксиому о племени как о минимальной единице социума.

Человечество — не существо, не организм, не коралловый куст. Существо, занятое производством и торговлей, — *индивид*. Только с изучения индивида, а не того рыхлого целого, которое зовется «сообществом людей», должна начинаться любая гуманитарная наука.

Таково одно из эпистемологических различий между гуманитарными и точными науками, порождающих, среди прочего, тот вполне оправданный комплекс неполноценности, который испытывают гуманитарии. Ни одна точная наука не позволит себе (пока еще не позволит) игнорировать характер своего предмета или уходить от него. Иначе астрономия, созерцая небосвод, пренебрегала бы изучением отдельных звезд, планет и спутников, а медицина изучала бы болезни, ничего не зная о здоровье и его критериях, и основным предметом исследования считала бы больницу, не обращая внимания на отдельных пациентов.

Изучая человека, можно очень много узнать об обществе, но, изучая общество — взаимоотношения существ, остающихся для тебя неопознанными и неопределенными, — абсолютно ничего не узнаешь о человеке. Однако именно такой методологии придерживается большинство политических экономистов. Их подход на деле сводится к тайному, негласному постулату: «Человек — это элемент экономических формул». Поскольку человек в эти формулы явно не вписывается, возникает занятная ситуация: политические экономисты, несмотря на прикладной характер своей науки, совершенно не способны увязывать свои абстракции с реальной действительностью.

Кроме того, это ведет к пагубному двойному стандарту в их отношении к людям и событиям. Если они увидят сапожника, то без особых умственных усилий придут к выводу, что он трудится ради заработка; но как политические экономисты, основываясь на племенной аксиоме, заявляют, что его предназначение (и долг) — снабжать общество обувью. Увидев уличного попрошайку, они опознают в нем бродягу; в науке же он становится «независимым потребителем». Услышав коммунистическую проповедь, требующую передать всю собственность государству, они категорически протестуют и искренне готовы бороться с коммунизмом до последнего вздоха; но как ученые толкуют о том, что долг прави-

тельства — обеспечить «справедливое перераспределение богатства», а бизнесменов называют лучшими, наиболее умелыми попечителями «природных ресурсов нации».

Вот до чего может довести философская неряшливость; вот до чего довела первобытно-племенная аксиома.

Чтобы отринуть ее и начать с нуля, сопоставляя различные общественные уклады и вырабатывая собственный подход к политической экономии, прежде всего следует выяснить природу человека, то есть основные признаки, отличающие его от всех других видов живых существ.

Основная черта человека — его способность к разумному мышлению. Для человека интеллект — главное средство выживания.

«Человек не может выжить, подобно животным, с помощью одной лишь способности к восприятию... Без мышления человек не может обеспечить свои простейшие физиологические потребности. Чтобы узнать, как посадить и вырастить съедобные растения или как изготовить оружие для охоты, ему необходимо мыслить. Его восприятие может привести его в пещеру, если она имеется, но для постройки простейшего убежища ему необходимо мыслить. Никакие образы и никакие “инстинкты” не скажут ему, как развести огонь, как получить ткань для одежды, как выковать инструменты, как сделать колесо, как построить самолет, как вырезать аппендикс, как изготовить лампочку, электронно-лучевую трубку, циклотрон или коробок спичек. Но его жизнь зависит от этих знаний, а дать ему их может только произвольный акт его сознания, процесс мышления»¹.

Мышление — невероятно сложный процесс идентификации и интеграции, доступный только сознанию индивида. «Коллективного мозга» просто нет. Люди могут учиться друг у друга, но это требует мыслительных усилий каждого ученика. Люди могут объединять свои силы, чтобы приобрести новые знания, но объединение это требует, чтобы каждый думал самостоятельно. Человек — единственный биологический вид, который способен передавать и расширять свой запас познаний от поколения к поколению; но эта передача требует мыслительных усилий со стороны каждого получателя. Тому порукой периоды упадка цивили-

¹ Рэнд А. Добродетель эгоизма. — М.: Альпина Пабlishерз, 2011. — С. 23.

зации, темные века в истории нашего прогресса, когда знания, накапливаемые столетиями, буквально испарялись из жизни людей, которые не могли, не желали или не смели мыслить.

Чтобы поддерживать в себе жизнь, существо любого биологического вида должно осуществлять четкую программу, предопределенную его природой. Деятельность, необходимая для поддержания жизни в человеке, преимущественно интеллектуальна: все, что человеку нужно, он должен изобрести с помощью разума и произвести с участием мыслительных усилий. Производство — это приложение разума к проблеме выживания.

Те, кто предпочитает не мыслить, могут выжить, лишь подражая и следуя методам работы, изобретенным кем-то другим; но «другие» должны были их изобрести, иначе не выживет никто. Те, кто предпочитает не мыслить и не работать, могут существовать (временно), воруя то, что произвел кто-то другой; но «другие» должны производить, иначе не выживет никто. Какой бы выбор ни сделал конкретный человек или какое-то множество людей (можно предпочесть бездумные, иррациональные или подлые поступки), остается фактом, что разум — средство выживания человека и что люди обогащаются или разоряются, выживают или гибнут в зависимости от того, насколько они разумны.

Знание, мышление и разумные действия — свойства индивида, и сам индивид решает, будет ли он пользоваться своей способностью к разумному мышлению, а значит, выживание человечества требует, чтобы мыслящие люди были защищены от тех, кто не мыслит. Поскольку люди не всеведущи и не идеальны, они должны иметь возможность и право соглашаться или не соглашаться, сотрудничать с другими или действовать независимо, по-своему, в соответствии со своим личным мнением, сформированным в результате умственной деятельности. Свобода — основная потребность человеческого разума.

Мозг разумного человека не заставишь работать насильно. Свою оценку реальности он не подчиняет приказам, директивам или контролю; своими познаниями, своим пониманием истины он не жертвует в пользу чьих бы то ни было мнений, угроз, желаний, планов или «благополучия». Ему могут чинить препятствия другие, его могут выслать, посадить в тюрьму или убить; но при-

нуждение над ним не властно, ведь револьвер — не довод. (Пример и символ этого — Галилей.)

Всеми своими познаниями и достижениями человечество обязано труду и непоколебимой цельности упорных новаторов (см. роман «Источник»¹). Если бы не эти умы, оно давно бы вымерло (см. «Атлант расправил плечи»). Принцип этот распространяется на всех людей, каковы бы ни были их способности и стремления. Если человек разумно оценивает ситуацию, он действует согласно потребностям своей природы и обеспечивает себе сносную, человеческую жизнь. Если он действует неразумно, то сам себя губит.

То, что разумность присуща человеку от природы, как и прямая связь между применением разума и выживанием, признано обществом в форме такого понятия, как *«права личности»*.

Напомню, что «права» — это этический принцип, определяющий и санкционирующий свободу действий человека в его социальном окружении. Их основание — природа человека, его принадлежность к разумным существам; наконец, они — необходимое условие его выживания. Напомню и о том, что право на жизнь — начало всех прав, включая право собственности².

Говоря о политической экономии, последний вид права нужно подчеркнуть особо; чтобы поддерживать в себе жизнь, человек должен работать и что-то производить. Он должен поддерживать ее своими собственными силами, руководствуясь указаниями собственного разума. Если он не может распоряжаться плодами своих усилий, то не может распоряжаться и своими усилиями; если он не может распоряжаться своими усилиями, то не может распоряжаться и своей жизнью. Без права собственности никакими другими правами воспользоваться невозможно.

Теперь, учитывая вышеизложенные факты, рассмотрим вопрос о том, какой общественный уклад действительно соответствует природе человека.

Общественный уклад — это комплекс этико-политико-экономических принципов, воплощенных в законах, институтах и исполнительной власти некоего социума и предопределяющих усло-

¹ Рэнд А. Источник: В 2 кн. — 2-е изд. — М.: Альпина Паблишерз, 2010.

² См. главу 25 «Права человека» наст. изд.

вия сотрудничества между людьми, живущими в пределах определенной географической области. Совершенно очевидно, что эти условия зависят от понимания природы человека; в обществе разумных существ они будут не такими, как в муравейнике. Очевидно и то, что эти отношения будут кардинально различаться в зависимости от того, взаимодействуют ли люди между собой как свободные, независимые личности, считающие, что всякий человек самоценен, или же как члены одной стаи, где всякий видит в других лишь слепые орудия достижения своих *личных* целей, а также целей «стаи вообще».

Природу любого общественного уклада предопределяют всего два основных вопроса (или два аспекта одного и того же вопроса): «Признает ли этот общественный уклад права личности?» и «Запрещает ли этот общественный уклад применять физическую силу при взаимодействии людей между собой?». Ответ на второй вопрос проясняет, решен ли вопрос первый.

Что такое человек — самостоятельная личность, которой принадлежат ее тело и разум, ее жизнь, ее труд и его плоды, или собственность племени (государства, общества, коллектива), которое может распоряжаться им по своему усмотрению, диктовать ему убеждения, предопределять его жизненный путь, управлять его трудом и присваивать то, что он производит? Есть ли у человека *право* существовать ради самого себя, или он рождается рабом, словно крепостной, который должен все время выкупать свою жизнь, служа обществу, но никогда не получит ее безоговорочно и безвозмездно?

С вопроса «Свободен ли человек?» следует начать. Все прочее — лишь его следствия. За всю историю человечества лишь один общественный уклад отвечает на него утвердительно. Это капитализм.

Капитализм — это общественный уклад, основанный на признании прав личности, в том числе права собственности, и предполагающий, что вся собственность находится в руках частных лиц.

Признание прав личности включает в себя запрет на применение физической силы при взаимодействиях между людьми. В капиталистическом обществе ни один человек или группа людей не вправе применять физическую силу против других *первыми*. В та-

ком обществе единственная функция исполнительной власти — меры по защите прав человека, то есть по защите его от физических посягательств; человек перепоручает власти осуществлять его право на самозащиту, и власть должна использовать силу только в качестве карательной меры и только против тех, кто применяет ее первыми; итак, исполнительная власть — это средство поставить карательные силовые меры под *беспристрастный контроль*¹.

Капитализм утверждает и защищает не что иное, как основополагающую, метафизическую составляющую природы человека, связь между применением разума и выживанием.

В капиталистическом обществе все человеческие взаимоотношения *добровольны*. Люди вольны сотрудничать между собой или не сотрудничать, заключать сделки или не заключать в соответствии с тем, что диктуют им личные мнения, убеждения и интересы. Они могут взаимодействовать между собой только на разумных условиях и разумными средствами, то есть средствами обсуждения, убеждения и *договорных* соглашений, добровольного выбора на условиях взаимной выгоды. Ни одно общество не отказывает своим членам в праве на согласие с другими; различаются социальные системы наличием либо отсутствием *права на несогласие*. Именно институт частной собственности защищает и практически осуществляет это право, тем самым уничтожая препятствия для проявления самого ценного человеческого качества (ценного не только для него лично, но и для общества, *объективно ценного*) — способности мыслить творчески.

В этом и состоит кардинальное различие между капитализмом и коллективизмом.

Сила, предопределяющая возникновение, изменения, эволюцию и разрушение общественного уклада, — философия. Роль случая, стечения обстоятельств и традиции в данном контексте такова же, как и в жизни отдельного человека; их могущество обратно пропорционально могуществу философского арсенала культуры (или отдельного человека) и растет по мере того, как философия приходит в упадок. Поэтому о характере обществен-

¹ Подробнее на эту тему см. главу 26 «Природа государства» наст. изд.

ного уклада следует судить по его философии. Четырем разделам философии соответствуют четыре краеугольных камня капитализма: в метафизическом плане — потребности человеческой природы и выживания, в эпистемологическом — разумность, в этическом — права личности, в политическом — свобода.

Без этих оснований мы не истолкуем правильно политическую экономию и не поймем, чем капитализм лучше первобытно-племенного строя.

«Практическое» оправдание капитализма заключается не в том, что этот уклад обеспечивает «наилучшее распределение ресурсов нации», как думают некоторые коллективисты. Человек и его разум — *отнюдь не «ресурсы нации»*, а без творческой мощи нашего разума сырье остается лишь сырьем.

Нравственное оправдание капитализма — вовсе не в том, что он помогает достигнуть «общего блага», как сказали бы альтруисты. Правда, капитализм и впрямь его обеспечивает (если затертое выражение «общее благо» вообще что-то значит), но это лишь побочное следствие. Нравственное оправдание капитализма в том, что это единственный уклад, созвучный природной разумности человека, гарантирующий человеку *человеческое* существование и руководимый принципом *справедливости*.

Всякий общественный уклад явно или скрыто зиждется на некоей этической теории. Племенное понятие «общего блага» служило нравственным оправданием большинства известных истории общественных укладов и всех тираний. Степень порабощенности или свободы того или иного общества соответствовала тому, насколько громко провозглашали (или, напротив, решительно обходили) этот первобытно-племенной лозунг.

«Общее благо» (или «интересы общества») — понятие неопределенное и неопределимое: такого существа, как «племя», или «общество», на свете нет. «Племя» (или «общество», или «народ») — это лишь множество отдельных людей. Нет ни одного блага, которое было бы благом для племени вообще. Термины «благо» и «ценность» относятся только к живому организму, взятому по отдельности, а не к бесплотной совокупности взаимоотношений.

Понятие «общее благо» не имеет никакого смысла, кроме буквального, узкого: «совокупность того, что хорошо для *всех* отдель-

ных людей». Но в таком случае оно не может служить нравственным критерием, поскольку не проясняет, что именно хорошо для них и как это «хорошо» распознать.

Однако такое понятие обычно используется не в своем буквальном значении. С ним мирятся именно благодаря его растяжимости, неопределенности. Это не нравственный ориентир; наоборот, оно помогает уйти от нравственности. Поскольку понятие «благо» нельзя применить по отношению к чему-то бесплотному, оно дает нравственный карт-бланш тем, кто пытается представить себя его воплощением.

Когда в некоем социуме считают, что «общее благо» не совпадает с личным благом его членов и, более того, стоит выше личного блага, это значит, что благо *одних* ставится выше блага других, а этих других обрекают на роль жертвенных животных. Тут действует молчаливая договоренность, что под «общим благом» предполагается «благо *большинства*», противопоставляемое благу меньшинства или индивида. Обратите внимание, что эта договоренность *молчаливая*: даже сверхколлективистское мышление словно бы чувствует, что невозможно ее нравственно оправдать. Но «благо большинства» — тоже иллюзия. Поскольку на деле попрание прав личности отменяет все права, это общество, которое руководствуется подобной идеей, отдает беспомощное большинство во власть любой банды, которая провозгласит себя «гласом народа» и начнет управлять страной силовыми методами, пока ее не сместит другая банда.

Если начать выяснять, в чем состоит благо для индивида, то придется признать справедливым лишь то общество, где это благо осуществляется и *осуществимо*. Но если считать «общее благо» чем-то бесспорным, а благо личное — лишь его возможным, но отнюдь не обязательным следствием (не обязательным при каких бы то ни было конкретных условиях), получится отвратительный абсурд вроде Советской России — государства, декларирующего служение «общему благу», где все население, кроме немногочисленной правительственной клики, прозябает в нечеловеческой нищете уже как минимум два поколения.

Почему жертвы и, что еще ужаснее, сторонние наблюдатели мирятся с мерзостями, реальность которых вполне доказана,

и продолжают держаться за миф об «общем благе»? За ответом следует обратиться к философским теориям о природе нравственных ценностей.

Можно выделить три интерпретации вопроса о природе блага: теорию «блага-в-себе» («внутреннего блага»), субъективистскую и объективистскую.

Теория «блага-в-себе» гласит, что благо неотъемлемо присуще некоторым объектам или поступкам как таковым, независимо от их контекста и последствий, от того, полезны они или вредны для лиц, совершающих данные действия, и лиц, на которых эти действия направлены. Эта теория отделяет понятие «блага» от «благодетельствованных», а понятие «ценность» — от цели и «оценщика», утверждая тем самым, что благо есть «благо-в-себе», «для-себя» и «само-по-себе».

Субъективистская теория гласит, что благо никак не связано с реальной действительностью. Оно — продукт человеческого сознания, порождаемый его чувствами, желаниями, «интуитивными догадками» или капризами, то есть всего лишь «произвольный постулат» или «эмоциональное обязательство».

Теория «блага-в-себе» утверждает, что благо в том или ином смысле локализуется в реальности и не зависит от нашего сознания; субъективистская теория утверждает, что благо локализуется в сознании и никак не связано с реальностью.

Объективистская теория гласит, что благо — отнюдь не характеристика «вещей-в-себе» или эмоциональных состояний, но оценка реальной действительности человеческим сознанием в соответствии с рациональными ценностными критериями. (В данном контексте «рациональный» означает «почерпнутый из реальной действительности и проверенный средствами рационального мышления»). Теория эта утверждает, что благо — один из аспектов действительности, взятой в ее соотношении с человеком, и что человек должен не выдумать благо, а отыскать его. Для объективистской теории ценностей основополагающий вопрос — ценно для кого и ради чего? Она не позволяет «воровать» понятия или выдергивать их из контекста; она не разрешает отделять «ценность» от «предназначения», благо — от его получателей, действия — от разума.

Из всех общественных укладов, которые знала история человечества, *только капитализм основан на объективистской теории ценностей.*

Субъективистская теория и теория «блага-в-себе» (либо их помесь) являются необходимым фундаментом диктатуры и тирании, любой разновидности абсолютистского государства. Неважно, осознанны эти теории или нет, излагаются ли они открыто в философском трактате или маячат смутными отголосками этого трактата в хаотическом сознании простого человека; главное — они позволяют людям верить, что благо не зависит от человеческого сознания и может быть отвоено силой.

Если человек убежден, что благо неотъемлемо присуще определенным действиям, он непременно принудит к этим действиям других людей. Если он убежден, что полезность или пагубность этих действий для других учитывать не стоит, он спокойно прольет целое море крови. Если он считает, что люди, которых он стремится осчастливить, сами по себе ничего не значат (или их легко заменить), он сочтет массовое истребление людей своим нравственным долгом во имя «высшего» блага. Именно теория «блага-в-себе» порождает Робеспьеров, Лениных, Сталиных и Гитлеров. Эйхман не случайно был кантианцем.

Если человек полагает, что благо — дело произвольного, субъективного выбора, выбор между добром и злом сводится для него к вопросу: «Что важнее — *мои* переживания или *чужие*?» Понимание другого, общение, мостик между сердцами — все это для него в принципе невозможно. Разум — единственное средство общения между людьми, а объективно воспринимаемая действительность — их единственный общий критерий. Когда в сфере нравственности все это отменяется (то есть объявляется ничего не значащим), единственным способом взаимодействия людей становится принуждение. Если субъективист желает достигнуть сугубо личного социального идеала, он ощущает в себе нравственное право принуждать других «ради их собственной пользы» — ведь он *чувствует*, что прав и давно бы привел всех к счастью, если бы они отринули свои заблуждения и признали его правоту.

Итак, на практике сторонники двух школ — субъективизма и «блага-в-себе» — сходятся в одной точке. (Едины они и в своей

психопистемологии: адепты «блага-в-себе» обнаруживают свое трансцендентальное благо не посредством особых, иррациональных, интуитивных догадок и откровений, то есть доверяясь субъективным ощущениям.) Сомневаюсь, что хоть один реальный человек, даже по недомыслию, мог бы всерьез уверовать в какую-либо из этих двух теорий. Но обе они оправдывают власть силы и помешательство на могуществе, дают волю потенциальному диктатору и разоряют его жертв.

Объективистская теория ценностей — единственная этическая теория, несовместимая с властью силы. Капитализм — единственный общественный уклад, опирающийся, пусть и неявно, на объективистскую теорию ценностей. Эту его особенность никогда не провозглашали открыто, что имело трагические последствия для человечества.

Зная, что благо существует *объективно* (иными словами, его определяет природа реальности, но обнаружить должен человеческий разум), понимаешь, что любая попытка отвоевать благо физической силой — чудовищное противоречие, которое подрывает самые корни нравственности, лишая человека способности распознавать благо, то есть способности к суждениям. Сила оттесняет на задний план и парализует оценочную способность человека, требуя, чтобы он поступал вопреки этой способности, и тем самым обрекая его на нравственное бессилие. Будет ли кто-нибудь дорожить ценностью, ради признания которой человека вынуждают поступиться собственным разумом? Люди, отупевшие поневоле, не могут иметь мнений, делать выбор, судить о чем бы то ни было. Пытаясь отвоевать благо силой, мы как бы ставим кому-то условие: «Если ты позволишь выколоть себе глаза, то получишь за это коллекцию картин». Ценности не могут существовать (их нельзя оценить) вне полного контекста жизни, нужд, целей и *познаний* отдельного человека.

Объективистский взгляд на ценности пронизывает всю структуру капиталистического общества.

Признание прав личности предполагает признание того, что благо — это не какая-то невыразимая абстракция, принадлежащая к некоему сверхъестественному плану бытия, но часть реальности, земного мира, жизни конкретных людей (вспомним о праве на

стремление к счастью¹). Права личности предполагают, что благо нельзя отделять от его получателей, а людей — считать восполняемым ресурсом, и что ни один человек и ни одно племя не вправе жертвовать одними людьми ради попыток осчастливить других.

Свободный рынок — это *социальный* результат приложения объективистской теории ценностей к практической жизни. Поскольку человек должен открыть для себя ценности посредством разума, он должен быть свободен, то есть иметь возможность свободно мыслить, исследовать, облекать свои знания в материальную форму, выставлять плоды работы на продажу, оценивать их и выбирать материальные блага или идеи, хлеб или философский трактат. Поскольку ценности познаются и обосновываются в контексте, всякий человек должен вырабатывать свое мнение сам, в контексте своих личных познаний, целей и интересов. Поскольку ценности детерминированы реальностью, именно реальность служит для человека высшим арбитром — если суждение человека верно, оно вознаграждается, если же оно ошибочно, то не приносит вреда никому, кроме него самого.

Различия между тремя подходами к ценности особенно важно уяснить в том, что касается свободного рынка. Рыночная цена товара — это не его внутренняя, помещенная в вакуум ценность или стоимость, не «стоимость-в-себе». Свободный рынок никогда не забывает спросить: «Для кого это ценно?», «С чьей точки зрения стоимость такова?» И в широком плане объективного отношения к реальности рыночная цена товара отражает лишь его *социально объективную*, а не *философски объективную* ценность.

Под «философски объективной» я понимаю ценность, устанавливаемую по принципу «наилучшее из возможного для человека», то есть по оценке наиболее рационально мыслящего ума, обладающего максимумом познаний. При этом оценка выносится в отношении конкретной категории явлений в конкретный период и в конкретном контексте (в неопределенном контексте вообще ничего оценивать нельзя). Например, можно логично обосновать, что *с объективной точки зрения* самолет для человека (для человека в идеале) несравнимо ценнее, чем велосипед, а книги Викто-

¹ Автор отсылает к Декларации независимости США. — Прим. пер.

ра Гюго с *объективной точки зрения* несравнимо ценнее, чем бульварная пресса. Но если для данного конкретного человека, при его умственных способностях, бульварная пресса — предел интеллектуального напряжения, то ему нет никакого резона тратить свой мизерный заработок, плоды своих усилий, на оплату книг, которые он не может прочесть, или на субсидирование авиа-промышленности, если его потребности вполне удовлетворяет незамысловатый велосипед. (Однако нет причин насильно удерживать все остальное человечество на уровне подобных вкусов, технического развития и доходов. Ценности нельзя ни навязать правительственной директивой, ни утвердить путем голосования.)

Точно так же, как количество сторонников еще не доказывает истинность или ложность некой идеи, гениальность или бездарность произведения искусства, достоинства или недостатки вещи, так и свободная рыночная цена товаров или услуг не обязательно отражает их философски объективную ценность и стоимость. В этом смысле речь может идти только об их *социально объективной* ценности, то есть совокупности индивидуальных суждений всех лиц, участвующих в торговле; совокупности того, что *они* сочли ценным, исходя из контекста своей собственной жизни.

Именно поэтому производитель губной помады, возможно, разбогатеет куда быстрее производителя микроскопов, хотя, как доказывает логика, с научной точки зрения микроскопы гораздо ценнее помады. Ценнее — но для кого?

С точки зрения скромной стенографистки, едва сводящей концы с концами, ценность микроскопа равна нулю. Зато помада может дать ей уверенность в себе (в противоположность сомнениям), яркую жизнь (в противоположность скучной работе).

Однако это не означает, что свободным рынком управляют *субъективные* ценности. Если стенографистка истратит все деньги на косметику и ей нечем будет заплатить за «аренду» микроскопа *тогда, когда он ей понадобится* (скажем, для проведения анализов при попадании в больницу), она научится эффективнее распоряжаться своими доходами; свободный рынок преподаст ей урок, и она не сможет наказывать других за свои ошибки. Если она как следует продумает свой бюджет, у нее всегда будет возможность воспользоваться микроскопом для *своих конкретных нужд*;

стенографистку не облагают налогами на содержание целой больницы, научно-исследовательской лаборатории или полет космического корабля. В меру своих способностей к производству она все равно возмещает некую долю расходов на научный прогресс *тогда и в той степени, в какой она в нем нуждается*. У нее нет «долга перед обществом». Она несет ответственность только за собственную жизнь. Капиталистический уклад требует от нее только того, чего требует и *природа* — быть разумным существом, жить и поступать так, как кажется лучше ей самой.

Во всякой категории товаров и услуг, предлагаемых на свободном рынке, именно тот, кто предлагает самый лучший продукт по самой низкой цене, получает *в своей отрасли* самое высокое денежное вознаграждение, не автоматически, не моментально, не по правительственному указу, но благодаря природе свободного рынка, приучающего всех участников добиваться *объективно* лучшего в области их компетенции и наказывающего тех, кто руководствуется неразумными соображениями.

Заметьте в связи с этим, что свободный рынок не нивелирует людей, сводя их к некоему общему знаменателю, — ведь в свободном обществе интеллектуальные критерии большинства не руководят свободным рынком, — и что выдающиеся люди, новаторы, гиганты мысли обязаны подлаживаться под большинство. Именно это меньшинство исключительных людей поднимает все свободное общество до уровня своих достижений, а само продолжает штурмовать все новые и новые высоты.

Свободный рынок — это *непрерывный*, неудержимый никакими силами процесс, стремление ввысь, требующее полной самоотдачи (максимально разумных действий) от всякого человека и соответственно вознаграждающее его. Пока большинство только-только усваивает преимущества автомобиля, творчески мыслящее меньшинство уже внедряет в жизнь самолеты. Большинство учится, наблюдая за другими; меньшинство вольно подавать ему пример, демонстрируя наглядные плоды своих идей. «Философски объективная» ценность нового продукта просвещает тех, кто желает использовать свой интеллектуальный потенциал, каждого — в меру его способностей. Те, кому этого делать не хочется, а также те, у кого больше претензий, чем способностей, остаются без воз-

награждения. Субъективисты, косные люди или те, кто не способен к рациональному мышлению, не властны препятствовать тем, кто их превосходит.

(Немногочисленное меньшинство тех взрослых людей, которые, в отличие от не желающих трудиться, *действительно не работать* не могут, должно полагаться на добровольные благотворительные пожертвования. Несчастье — еще не повод обрекать других на рабский труд. Человек не имеет никакого *права* командовать теми, без кого он не в состоянии выжить, истощать их и истреблять. Что до экономических кризисов и массовой безработицы, то их причина — не механизмы свободного рынка, а вмешательство государства в экономику.)

Эпигоны, паразитирующие на чужих умах, — подражатели, пытающиеся в меру своего понимания удовлетворить уже известные вкусы потребителей, — постоянно отстают от новаторов, чья продукция поднимает познания и вкусы потребителей на еще более высокий уровень. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правит не потребитель, а производитель. Самого большого успеха добиваются первооткрыватели новых отраслей производства, отраслей, о которых никто и не думал.

Вполне возможно, что некий продукт — в особенности радикально-новаторский — далеко не сразу оценят по достоинству; но за немногими, чисто случайными, исключениями история все ставит на свои места. В этом смысле можно сказать, что свободным рынком правят не интеллектуальные критерии большинства — они берут верх лишь на время, лишь в определенные моменты; свободным рынком правят те, кто в состоянии заглядывать в будущее и планировать загодя. А чем мощнее интеллект, тем он дальновиднее.

Экономическая стоимость чьего-то труда определяется на свободном рынке по одному-единственному принципу — в соответствии с тем, много ли своего труда или своей продукции добровольно согласны отдать за него другие люди. Таково этическое значение закона спроса и предложения, отражающее решительный отказ от двух пагубных доктрин — первобытно-племенной аксиомы и альтруизма. Тем самым признается, что человек — не собственность и не слуга племени; он *работает, чтобы под-*